



References

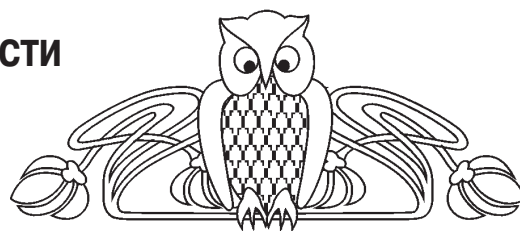
1. Heidegger M. Die Frage nach der Technik. *Die Künste im technischen Zeitalter*. München, 1954. S. 70–108. (Russ. ed.: Khaydegger M. Vopros o tehnike. *Vremya i bytiye: statyi i vystupleniya*. Moscow, 1993, pp. 221–238).
2. Baudrillard J. *La société de consommation* (The Consumer society). Paris, 1991. 318 p.
3. Baudrillard J. *Les stratégies fatales* (Fatal strategies). Paris, 1983. 273 p.
4. Baudrillard J. *Simulacres et simulation* (Simulacra and simulation). Paris, 1981. 236 p.
5. Heisenberg W. *Schritte über Grenzen*. München, 1973. 313 S. (Geizenberg V. *Shagi za gorizont*. Moscow, 1987. 368 p.).

УДК 167

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Листвина Евгения Викторовна –

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии, Саратовский государственный университет
E-mail: listvamer@yandex.ru



В статье выявляются характерные черты социокультурной трансформации России последних двух десятилетий посредством анализа ее архетипических основ (поиск ключевого события, столкновение архетипов, маргинализация культурных ориентиров). Обозначенные существенные вопросы могут быть решены в рамках актуальной социокультурной ситуации, то есть ситуации, которая находится в центре изучения или переживания обществом или личностью и обусловлена сконцентрированной в ней доминантными потоками, определяющими социокультурное развитие изучаемого исторического отрезка. Также в статье предложены способы их решения (определение приоритетов государственной культурной политики, поиск ценностного консенсуса, формирование объединяющих духовных оснований отечественной культуры).

Ключевые слова: современная социокультурная ситуация, культурное событие, культурные ориентиры, архетип.

Прежде чем обратиться к весьма актуальной проблеме, занимающей сегодня исследователей современной отечественной культуры, необходимо дать определение социокультурной ситуации как той сферы, в которой мы все находимся и конструируем свое социокультурное бытие. Социокультурную ситуацию можно определить как «совокупность условий и обстоятельств, структурирующих социальное пространство с точки зрения культурного приоритета и развивающихся во времени культурную доминанту процесса общественного развития на личностном, групповом уровнях и уровне социума» [1, с. 11]. Также становится необходимым выявить понятие ориентира, под которым в данной статье понимается направленность научной, общественной деятельности, определение индивидом своего положения в пространстве, в данном случае мы можем сказать, в пространстве культуры.

Все эти вопросы можно решить в рамках актуальной социокультурной ситуации, т.е. такой, которая находится в центре изучения или переживания обществом или личностью и обусловлена сконцентрированными в ней доминантными потоками, определяющими социокультурное развитие изучаемого отрезка. Выявление культурных ориентиров в данном случае – необходимая, насущная потребность социума, который нуждается в определении трендов своего движения и ищет правильную опору в культурных, ментальных основаниях, что отмечается в проекте «Основ государственной культурной политики» 2014 г. [2].

Рассмотрим специфические черты, характеризующие современную российскую социокультурную ситуацию, опираясь на ее архетипические основы. Думается, что архетип как исходное положение, как ядро культуры может служить «культурной универсалией, сопрягающейся с представлением о предельных основаниях культуры, используемой для обозначения базовых и наиболее устойчивых ее первоэлементов, уникальным основанием той или иной локальной культуры; алгоритмом мироустройства, выступающим в качестве системообразующего фактора», создающим единое социокультурное пространство, в котором разворачивается жизнь общества [3].

Если говорить об особенностях русского архетипа, то можно назвать его первой потребностью центральное событие. Именно вокруг него собирается русская культура, строятся ментальные схемы, организуется национальное самосознание, возникает смысл личностного и



социального бытия и их нормальное для личности соотношение. Как справедливо отметил А. И. Чернокозов, русская культура нуждается в центральном событии, которое упорядочивало бы событие индивидуальное и событие космоса [4, с. 235].

Поиск события – так можно охарактеризовать культурное состояние России. Именно этот поиск и оформление в национальном сознании делает возможным построение вокруг него системы ценностей, равновесие в культурном, социальном, глобальном планах. Во многом мы ищем событие в хайдеггеровском понимании, когда стремимся ощутить в нем мощнейший ориентир-аттрактор: «...как сможет достичь нас какое-то путеводительство, если не высветится Событие, которое, призывая, требуя человека, озарит его существо, даст ему сбыться и в этом о-существлении выведет смертных на путь мыслящего, поэтического обитания на земле?» [5, с. 192]. Событие сопричастности, событие, развертывающееся во всей своей мощной и величественной красоте, событие, адекватное самоощущению социума, – вот тот ориентир, который сейчас становится преобладающим, главным в культурном поиске российского общества, при котором необходимо решение вопроса консолидации общества, преодоление ценностной аномии.

Не менее важным положением при характеристике современной социокультурной ситуации в России становится смена ценностей, которую мы переживали на протяжении XX в. С одной стороны, XX в. обозначил приоритет рационалистических ценностей, но при опоре на конкретное событие они смогли дать практический результат как в области культуры, так и в других областях. Духовная же жизнь в последние десятилетия не имела единого начала, и поиск ее идеалов был сведен к личностным экспериментам при максимальных возможностях экспериментирования с различными учениями, течениями и трендами, причем с позиций акцентированного глобализма, снятия культурных границ. Это обусловило неустойчивость таких процессов внутри современной русской культуры.

В результате, происходит столкновение архетипов, которое является характерной чертой современной российской социокультурной ситуации и наиболее болезненным ее аспектом. В нашей стране столкновение архетипов различных уровней четко обозначено и выражено. И от него зависит будущее страны в целом. На наш взгляд, это не преувеличение, а констатация факта. То, что изо дня в день произносится, внедряется, выплескивается средствами массовой информации, не только становится рекламой

чужого образа жизни, но и затрагивает наше подсознание, наши архетипическое, символическое поля. А в последние два десятилетия те глубинные, ментальные основы, схемы и приоритеты, которые воспитывают человека на национальной социокультурной базе, подвергались размыванию, если так можно выразиться, на клеточном уровне. Социум раздробился на своеобразные ниши – различных групп и слоев, которые могут существовать замкнуто, параллельно и (или) оторванно друг от друга, каждый со своими ценностями. В последнее десятилетие это усугубилось наличием сетевых сообществ, оказывающих глубокое воздействие на ценностные ориентиры, в первую очередь, молодежи. Некоторые исследователи сделали попытки проанализировать ценностные ориентиры поколения 20–25-летних, но это лишь первые шаги, не дающие полного среза аксиологической ситуации [6]. В связи с этим сложно сказать, сохранилось ли единое социокультурное поле отечественной культуры. Однако мы можем констатировать факт, что представители различных поколений в последнее время все чаще выказывают потребность в сплавивающих ценностных ориентирах, но испытывают сложность в определении того, что может их безоговорочно, безусловно объединить.

Не менее важным аспектом столкновения архетипов явилось выхолащивание их глубинного значения при активном внешнем использовании. Это то, что называется, по А. С. Ахиезеру, эффектом «псевдо», рекламная лубочная выставка символики, некий перетасованный архетипический симулякр без внутреннего содержания, которое новым поколениям недоступно, практически полностью утеряно и, главное, невостребованно. Средства массовой информации, реклама, кинематограф, фэнтезийная литература с элементами эскапизма – все они использовали архетипическую структуру культуры в своих целях, не заботясь о целостности и сохранении архетипов и не думая об их хрупкости. Архетип оказался на поверхности – в силу реализации коммерческого интереса, но это же стало наиболее опасным как непосредственным для него, так и для носителей культуры, которые теряют его глубинное значение при постоянном использовании без сакрального смысла.

В современном состоянии социокультурной среды России можно отметить и пространственно-временные особенности: наблюдается изменение культурного пространства – его сужение и в прямом смысле, когда территория государства уменьшилась, исчезли целые культурные регионы и нарушилась многолетняя социокультурная структура, и в переносном – пространство также



раздробилось: можно отметить преобладание культуры регионов, часто созданных не на основе культурной традиции, а по политико-административному принципу. Существует разбалансированность временных параметров: все большее дробление на короткие временные отрезки. Если ранее таковыми были, например, допетровское и петровское времена, дореформенная и пореформенная Россия в XIX в., то в XX в. разрывы более мощные и в то же время очень короткие. Это создает сложность в восприятии и усиливает противоречия между поколениями.

В результате вхождения России в последние два десятилетия в общемировую культуру без «железного занавеса» отсутствует дозированность культурной информации, что приводит к нивелировке как приобщению к неопределенным «мировым ценностям», внедрению и закреплению в нашем сознании чужих образов и архетипов или использованию внешнего архетипического образа, без внутреннего содержания, его пустой оболочкой.

Как в такой ситуации можно определить характерные черты направления и развития культурных ориентиров? В числе первых следует назвать доминирующее положение индивидуального культурного ориентира, его выстраивание. Советское время имело одну особенность: оно давало официальные ориентиры. Это были директивные ориентиры – со знаком плюс либо со знаком минус, и такое положение вещей обеспечивало легкость в восприятии мира, социокультурной ситуации, а также себя как личности в многообразии происходящих событий. Целые поколения или социальные группы жили не особо задумываясь над глубинными социокультурными процессами и принимая то, что предложено в качестве единственно ориентира, используя его для заполнения социокультурного вакуума.

Теперь же социокультурная ситуация поставила нас перед фактом неизбежного личностного определения ценностной шкалы, внутреннего личностного определения ориентиров и самостоятельного следования им. В этом случае увеличиваются возможности личностной идентификации, когда индивид внешне не ограничен жесткими рамками социальных групп. Но такое явление так же, как и рассмотренное выше, обладает двойственностью. Человек не может до конца освободиться от влияния социокультурных ориентиров, сформированных воспитанием, социальной средой, политическими или иными пристрастиями, с одной стороны. С другой стороны, личность оказывается освобожденной от каких-либо направляющих вспомогательных путей, которые ранее предлагало общество, что

создает у нее глубокое внутреннее культурное и психологическое напряжение.

Также происходила маргинализация культурных ориентиров, поскольку большинство населения России в последние годы либо ощущало себя выброшенным из привычных рамок и социокультурных ниш, либо создавало в первых поколениях новые элементы своего культурного поля. Таким образом, это большинство являло собой все признаки маргинальности: всеядность, некритическое отношение к артефактам иной культуры, в некоторых социокультурных группах внешне акцентированное отрицание своих культурных ценностей и пр. Отсюда вытекает своеобразно выраженное стремление к элитарной культуре в разных вариантах – или той, как ее понимала каждая социокультурная группа в советское время (что касается старших поколений), или той, как ее понимают современные молодежные субкультуры. Вместе с тем это стремление отражает практически неосознанное приобщение к массовой культуре, в большей степени к ее мертвой ипостаси (мы следуем за Р. Хогартом, делившим массовую культуру на живую, т.е. не заслоняющую гуманистического смысла и творческого постижения мира, и мертвую – коммерциализированную, манипулирующую людьми). На наш взгляд, это также связано с изменением архетипической сущности многих культурных явлений и процессов, поскольку часто мы стремимся к уже изжитым, выхолощенным ориентирам, потерявшим свой первоначальный глубинный смысл.

Сложности культурного ориентира в его калейдоскопичности, что можно назвать следствием предыдущей черты: наблюдается «все во всем», в котором индивид увязает, не находя ценностной социокультурной опоры. Довольно долгое время культурные ориентиры не требовали от человека принятия жесткого решения, что создавало хаотичную ценностную среду. С одной стороны, это было свободное и гибкое движение, а с другой – отсутствие ориентационного (пусть даже субъективного) центра, необходимого каждому. В конечном итоге, такое состояние констатирует общие трудности в создании внутреннего центра личностной культурной ориентации. Клиповое сознание, о котором много говорят в последнее время, отражает отсутствие выстроенной внутренней шкалы, субъективную временную и понятийную чехарду, существующую в сознании отдельного человека.

Вышеизложенное приводит к невозможности или сложности для индивида определения, обозначения собственной культурной потребности. Это, в первую очередь, отмечается на



внутреннем уровне и характеризуется пассивным движением за предлагаемым, сознательным следованием за модой, отбрасыванием внутренне своего, неумением его отличить и заметить. Отсюда и обозначенная нами трудность в определении главного события, без которого невозможно для России дальнейшее культурное движение.

Необходимо отметить сложный для нашей страны момент изменения ориентира с духовного на откровенно материальный аспект, который признавался доминирующим в 1990-е – начале 2000-х гг. С одной стороны, это считалось привлекательным и удачно ложилось на штамповую формулировку 60–70-х гг. XX в. о «повышении жизненного уровня и удовлетворении растущих потребностей трудящихся». С другой же – это лишение привычного состояния русского человека с его глубинной потребностью в духовном. Да и само определение духовного претерпело серьезные изменения, особенно в насаждаемой социокультурной установке «если ты такой умный, то почему ты такой бедный?». В этом положении сконцентрирована вся культурная проблема современного русского человека, так как в его понимании бедность и ум, интеллектуальное развитие всегда состояли в иных отношениях и пропорциях. Это неразрешимое противоречие приводило к определенному «зашкаливанию», внутреннему интеллектуальному и, главное, моральному, этическому срыву.

В изложенных выше наблюдениях, на наш взгляд, своеобразно проявляется российское тяготение к абсолютному: мы по привычке начали абсолютно, некритично принимать предлагаемые нам ценности и ориентиры. Это усугубляло и без того сложное социокультурное состояние России конца XX в. В результате оценки такого положения общества необходимо определить особые духовные скрепы социума. М. Мчедлова отмечает, что «духовные скрепы – это очень широкое понятие, которое может быть использовано как определенный понятийный инструментарий, <...> который может вполне эффективно определять ценностные основания общества для достижения ценностного консенсуса» как источника устойчивости общества [7].

Рассматривая в данной работе особенности изменения культурных ориентиров современной России, мы не претендуем на быстрое и однозначное разрешение этих проблем. Но, думается, что, выделяя ряд серьезных социокультурных проблем, акцентируя и заостряя на них общественное внимание, мы можем выработать определенные социокультурные стратегии по их преодолению, потребность в которых зафиксирована в проекте «Основ государственной культурной

политики». В этом документе обозначены значение и роль государства в формировании социокультурных ориентиров с признанием и учетом большого потенциала культуры и способов его использования: «...государственная культурная политика исходит из понимания важнейшей общественной миссии культуры как инструмента передачи новым поколениям свода нравственных, моральных, этических ценностей, составляющих основу национальной самобытности. Знание своей культуры и участие в культурной деятельности закладывают в человеке базовые нравственные ориентиры: уважение к истории и традициям, духовным основам наших народов и позволяют раскрыть таланты, дарования и способности каждого человека» [2]. Таким образом, определяя ключевые направления развития общегосударственной культурной политики в современной социокультурной ситуации, мы признаем важную роль культуры в формировании устойчивости социума и отмечаем поворот социума к осознанному культурному строительству, без которого невозможно личностное и социальное самосознание.

Список литературы

1. Листвина Е. В. Социокультурная ситуация : опыт исследования. Саратов, 2008. 82 с.
2. Проект «Основы государственной культурной политики». URL: <http://mkrf.ru/open-ministry/public-discussions/proekt-osnov-gosudarstvennoj-kulturnoj-politiki> (дата обращения: 23.11.2014).
3. Колчанова Е. А. «Архетип» как категория философии культуры: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Тюмень, 2006. URL: <http://cheloveknauka.com/arhetip-kak-kategoriya-filosofii-cultury#ixzz3J3y14jw1> (дата обращения: 14.11.2014).
4. Чернокозов А. И. История мировой культуры. Ростов н/Д, 1997. 295 с.
5. Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. М., 1993. С. 177–192.
6. Шепелин И. Как куются духовные скрепы. URL: http://slon.ru/russia/kak_kuyutsya_dukhovnye_skrepy-1012408.xhtml (дата обращения: 14.11.2014).
7. Табачников Е. Поколение «Я», или Мы выросли в 2000-е, если...// Поколение «Я». Эссе и стили. М., 2011. С. 38–133.

Social and Cultural Situation and Cultural Landmarks of Modernity

E. V. Listvina

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: listvamer@yandex.ru



The characteristic features of Russia's sociocultural transformation during the last two decades are determined in this article due to the analysis of its archetypical bases such as the search of a key event, the collision of archetypes, the marginalization of cultural reference points. The pointed vital issues can be resolved within an actual sociocultural situation, that is the situation which is in the center of studying or experience by society or the personality. This sociocultural situation is caused by the dominant streams concentrated in it which defining the sociocultural development of the researching historical period. Also in the article the ways of their solutions are proposed, these are the definition of priorities of the state cultural policy, the search of valuable consensus, the formation of the uniting spiritual bases of native culture.

Keywords: contemporary social and cultural situation, cultural event, cultural landmarks, archetype.

References

1. Listvina E. V. *Sotsiokulturnaya situatsiya: opyt issledovaniya* (Socio-cultural situation: experience of research). Saratov, 2008. 82 p.
2. *Proekt «Osnovy gosudarstvennoy kulturnoy politiki»* (Project «Bases of state cultural policy»). Available at: <http://mkrf.ru/open-ministry/public-discussions/proekt-osnov-gosudarstvennoj-kulturnoj-politiki> (accessed 23 November 2014).
3. Kolchanova E. A. *«Arkhetip» kak kategoriya filosofii kultury: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk* («Archetype» as a category of philosophy of culture: abstract dis. cand. a philosopher sciences). Tyumen, 2006. Available at: <http://cheloveknauka.com/arkhetip-kak-kategoriya-filosofii-sultury#ixzz3J3yI4jw1> (accessed 14 November 2014).
4. Chernokozov A. I. *Istoriya mirovoy kultury* (The history of the world's culture). Rostov-on-Don, 1997. 295 p.
5. Khaydegger M. *Preodolenie metafiziki* (The overcoming of metaphysics). Khaydegger M. *Vremya i bytie: stati i vystupleniya*. Moscow, 1993, pp.177–192.
6. Shepelin I. *Kak kuyutsya dukhovnye skrepy* (As forged spiritual braces). Available at: http://slon.ru/russia/kak_kuyutsya_dukhovnye_skrepy-1012408.xhtml (accessed 14 November 2014).
7. Tabachnikov E. *Pokolenie «Ya», ili My vyrosli v 2000-e, esli... (Generation «I», or we grew up in 2000s, if...)*. *Pokolenie «Ya». Esse i stili*. M., 2011, pp. 38–133.

УДК 111.1+101.2+929 Ларюэль

ОТ ПОСТМЕТАФИЗИКИ К ПОСТФИЛОСОФИИ: Ф. ЛАРЮЭЛЬ

Малкина Светлана Михайловна –

кандидат философских наук,
доцент кафедры теоретической и социальной философии,
Саратовский государственный университет
E-mail: MalkinaSM@rambler.ru



В статье осуществляется критическое рассмотрение проекта не-философии Ф. Ларюэля как попытки воплощения мысли М. Хайдеггера о «преодолении метафизики». Данный мыслитель пытается уйти от бесконечной рефлексивности философского дискурса, вернуться от интерпретации к реальному. Рассматриваются понятие «философского решения», принцип «односторонней дуальности», задачи не-философии. Делается вывод о поиске косвенных стратегий развития философии, необходимости постановки вопроса об основаниях философского мышления в проекте не-философии, а также о таких ее чертах, как отказ от каких-либо норм, условность терминологии.

Ключевые слова: постметафизическое мышление, не-философия, Ларюэль, реальное, философское решение.

«Одну из самых интересных попыток в современной философии предпринял Франсуа Ларюэль: он обращается к некоторой Всецелости, которую характеризует как «нефилософскую» и, странным образом, «научную» и в которой коренится «философское решение»» [1, с. 56], – так характеризуют в своей работе «Что такое философия?» Ж. Делез и Ф. Гваттари проект Франсуа Ларюэля (р. 1937), французского философа, руководителя Международной не-философской ор-

ганизации, творчество которого в России только начинает исследоваться (см., в частности, работы С. С. Хоружего [2] и Л. А. Гоготишвили [3]). Как и многие философы пост-современности, Ларюэль пытается задать вопрос о сущности философии из ее философского «не-места» – такой философской «утопией» для него выступает его собственный проект не-философии. Если Ж. Деррида ставит вопрос о философском праве [4], то Ларюэль, скорее, пытается быть «еретиком» по отношению к философским нормам и традиционной правовой сфере, пытаясь поставить под вопрос саму нормативность философии.

Ларюэля также можно отнести к представителям постметафизического мышления, но с одной оговоркой: «Это, если угодно, следующая фаза европейского философского процесса, вслед за длительным этапом «преодоления метафизики» <...> «преодоление метафизики», кульминаровав в бурной интерлюдии постмодернизма, в наши дни существенно углубилось, радикализовалось – и переросло в «преодоление философии»» [2, с. 108]. Ларюэль стремится